

РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ» В ПОВЕСТИ ДЖ. ГАРДНЕРА «КОРОЛЕВСКИЙ ГАМБИТ»

Вихрова Ксения Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, r2654256@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4175-8005>

Аннотация. Метанарратив «американской мечты» оказывает всестороннее влияние на социальную, политическую и культурную жизнь США, привлекает неослабевающее внимание исследователей и осмысливается в значительном количестве произведений искусства. В данной статье анализируется функционирование религиозно-мистического опыта как фактора реализации «американской мечты» в повести Дж. Гарднера (1933–1982) «Королевский гамбит» (1974), а также предпринимается попытка определить механизм воплощения национального утопического проекта в этом произведении. В ходе анализа рассматриваются конституирующие элементы исследуемого проекта в синхронической и диахронической проекциях, выделяются уровни его актуализации в произведении, анализируется то, как персонажи пытаются реализовать его в соотношении со своим мировидением и общим экзистенциальным планом, выявляются успешные и неудачные модели воплощения «американской мечты». В «Королевском гамбите» находит отражение философско-эстетическая программа «моральной литературы», позже сформулированная Гарднером в одноименном эссе.

Ключевые слова: Дж. Гарднер, «Королевский гамбит», «американская мечта», экзистенциальный план личности, религиозное сознание, «моральная литература», метафизическая свобода

Для цитирования: Вихрова К.А. Религиозно-мистический аспект «американской мечты» в повести Дж. Гарднера «Королевский гамбит» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 129-135. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-129-135>

Research Article

RELIGIOUS MYSTICISM OF THE “AMERICAN DREAM” IN THE TALE “THE KING’S INDIAN” BY JOHN CHAMPLIN GARDNER JR.

Kseniya A. Vikhrova, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, r2654256@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4175-8005>

Abstract. The metanarrative of the “American Dream” has a comprehensive impact on the social, political and cultural life of the United States, it attracts unflagging attention of researchers and it is interpreted in a significant number of works of art. This article analyses the functioning of the religious and mystical experience as a factor in achieving the “American Dream” “American Dream” in the tale “The King’s Indian” (1974) by John Champlin Gardner Jr. (1933-1982), and it also attempts to determine the mechanism for the embodiment of the national utopian project in this work of fiction. The analysis examines the constituent elements of the project in synchronic and diachronic projections, it highlights the levels of the project actualisation in the work, it analyses how the characters try to implement it in relation to their worldview and individual existential plans; thus, successful and unsuccessful models of the achieving the “American Dream” are found. As a result, it is proved that the failure is due to the lack of religious mysticism. The failure leads to the destruction of the character’s existential plan, built in accordance with the utopian project, and to its possible subsequent reconstruction. The successful realisation of the “American Dream” is possible only when the character follows “self-reliance» and trusts the transcendental forces. “The King’s Indian” also reflects the philosophical and aesthetic program of “moral literature”, later formulated by Gardner in the essay of the same name.

Keywords: John Champlin Gardner Jr., “The King’s Indian”, “American Dream”, individual existential plan, religious consciousness, “moral fiction”, metaphysical freedom

For citation: Vikhrova K.A. Religious mysticism of the “American Dream” in the tale “The King’s Indian” by John Champlin Gardner Jr. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 129-135 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-129-135>

«Американская мечта» – это «одна из главных составляющих менталитета, культуры, истории, социальной и политической жизни США; миф, который глубоко укоренился в массовом сознании, предопределил восприятие мира американцами» [Коновалова: 3]. Характерной особенностью национального утопического проекта является множественность определений, которые ему дают исследователи, общественные деятели, журналисты и деятели искусств. Кроме того, на разных исторических этапах дискретное множество американских «мечтателей» формировало свою «версию» утопического проекта, которая, с одной стороны, была генетически связана с предыдущими, а с другой – отражала изменившийся характер реальности [Cullen: 5–7]. Из-за сложности концептуального объединения «версий» и элементов, конституирующих «американскую мечту» (стремление к счастью, свободе и самореализации при равных социальных возможностях; избранности и безграничной удачи; желание материального процветания и подконтрольности жизни и т.д.) исследователи часто дают ей функциональную дефиницию.

Исторически «американская мечта» формировалась на основе парадоксального сочетания европейских утопических представлений о «земном рае», идей Просвещения и религиозной мысли [Delbanco: 10–11]. С течением времени в результате социальных изменений, а также американской приверженности идее научного прогресса и рационализации происходила секуляризация утопического проекта [Веп-Тов: 4]. Религиозно окрашенные интегральные компоненты концепта (надежда на реформированное общество верующих [Cullen: 11], идея богоизбранности и исключительности, представления об «американском Адаме» и «американской невинности») стали реже эксплицироваться, уступив место светским ценностям. Дальнейшее расщепление концепта на идеальную и материалистическую стороны с последующей редукцией первой еще сильнее «затемнило» религиозный аспект «американской мечты»¹. Наконец, в рамках постмодернистского финалистского дискурса² осуществилась деконструкция и демифологизация национального метанарратива, что привело к еще большей его фрагментарности.

В настоящее время религиозный компонент «американской мечты» редко актуализируется эксплицитно, однако его диахроническая включенность в концепт подтверждается постоянным присутствием в поле мысли. Это иллюстрирует одно из наиболее известных определений, данное Биллом Клинтонем в 1992 г.: «Воплощение “американской мечты” – это возможность жить настолько полной жизнью, насколько позволят данные Богом способности» [Clinton]. Бог в данном случае выступает в качестве источника жизненного потенциала, но его планы остаются непознаваемыми. Уверенность

в собственном будущем обретается исключительно иррациональным «доверием к себе» (по Р.У. Эмерсону) как носителю «божественного кода».

Одним из американских «мечтателей» XX в. стал Дж.Ч. Гарднер (1933–1982). Писатель родился в семье непрофессионального пресвитерианского проповедника, сам был верующим человеком и часто обращался к морально-религиозным темам в своем творчестве. На родине Гарднер неоднократно вел университетские курсы писательского мастерства. Основой его методики обучения было творческое прочтение и переработка классических произведений литературы, что нашло отражение в его собственных работах.

Отечественному читателю Гарднер наиболее известен благодаря роману «Грендель» – пересказу мифа о Беовульфе от лица антагониста, в котором постмодернистская техника сочетается с приверженностью автора идеалам классической эстетики вслед за Т.С. Элиотом. Исследователи отмечают, что «всё творчество Гарднера вырастает из его академического интереса к средневековой литературе» [Борышнева: 2] и убежденности в том, что серьезное искусство должно противостоять хаосу и смерти [Mogis 1981: 1].

Этико-философская модель Гарднера была зафиксирована в программном эссе 1978 г. «О нравственной литературе». В нем автор противопоставляет нигилистической «глупости» постмодернистского конструкта и абстрактным философским построениям в современной литературе. «Нравственность» литературы, по мнению Гарднера, заключается в победе и утверждении «доброкачественных» ценностей (добра, любви, красоты) над искусственными концепциями, выработанными в ходе постмодернистской игры. Изображения в искусстве при этом заслуживают взаимоотношения, характеры и нравственные позиции персонажей, а не рациональные философские схемы.

В произведениях, исследующих «американскую мечту»³, Гарднер не следует обыденной в XX в. модели редукции концепта до материалистической составляющей. В рамках его индивидуально-авторской картины мира, которая сформировалась на основе творческого, академического и религиозного опыта, констелляция национальных мифов анализируется в контексте экзистенциального плана художника, а не с дидактических позиций социальной критики. Образ художника обретает мистическую окрашенность: это «волшебник слова», который творит реальность вокруг себя [Begiebing: 51].

Такой «волшебник слова» становится интрадиетическим нарратором в повести Гарднера «Королевский гамбит» (1974), включенной в одноименный сборник малой прозы. Данная повесть принадлежит к числу сравнительно малоизученных произведений писателя как в отечественном, так и в западном литературоведении⁴.

Гарднер определил «Королевский гамбит» как притчу, главной целью которой является исследование теории прекрасного через описание того, как персонажи «формируют свой мир согласно эстетическим стандартам» [Conversations: 93]. В «Королевском гамбите» нашли отражение сомнения и размышления Гарднера об истинном творчестве и его роли [Ekelund: 292] (в то же время сам автор в интервью неоднократно подчеркивал, что спекулятивные философские построения не должны становиться основой произведений).

Повесть в высокой степени интертекстуальна, наполнена множественными аллюзиями на романтическую литературу XIX в.: прежде всего – на произведения Г. Мелвилла, Э.А. По, С.Т. Кольриджа, Н. Готорна, Р.Л. Стивенсона и М. Твена [Morris 2000: 105]. «Королевский гамбит» стилизован под готику: Гарднер активно использует в повести элементы готической образности (мистические тайны, дьявольские происки злодеев, описания мрачного антуража). Притчевый характер повести выводит повествование на уровень общечеловеческих универсалий и не позволяет проводить конкретные социально-исторические аналогии.

Ранее анализ функционирования «американской мечты» в «Королевском гамбите» был представлен в критическом послесловии Г.П. Злобина, которое сопровождало переводное издание 1979 г. Эту работу отличает краткость и социально-политическая оптика. В рамках данной статьи предпринимается попытка более подробного анализа повести с позиций констелляции американских культурных мифов с учетом конкретных элементов, составляющих основу утопического проекта. «Американская мечта» актуализируется в произведении в контексте религиозно-мистического опыта, что также представляется сравнительно редким обстоятельством и требует детального рассмотрения.

«Королевский гамбит» отличается сложной структурой наррации, состоящей из трех уровней, тесно связанных между собой: готической приключенческой истории; повествования об этом путешествии в таверне, где собрались сам путешественник-мореход, ангел (муза) и гость (критик); плана «над» повествованием, в который вторгается Гарднер под собственным именем и беседует с собравшимися в таверне и читателем. Далее будет представлен последовательный анализ каждого уровня.

План повествования о морском путешествии оказывается наиболее обширным и сюжетно наполненным. Рассказ о приключении начинается с краткого предисловия постаревшего морехода Джонатана Апчерча. Центральный персонаж и интрадигетический нарратор, путешественник и художник слова повествует о том, что он с юности грезил о солнечном южном Иллинойсе и упорно работал, чтобы накопить денег на переезд. Декларируемая прагматическая «американская мечта» Апчерча о фермерской жизни и домовладении

в южном Иллинойсе, который он описывает в терминах дикого «фронта»⁵, противоречива в самой формулировке. Апчерч мечтал поселиться на холме у бурного слияния Огайо и Миссисипи и наблюдать «разливы могучих рек, всепожирающие, безмолвные и неоспоримые», «чистый образ физического зла» [Гарднер: 285–286]. С одной стороны, Апчерч жаждал контроля над жизнью, с другой – его манил «фронт» и соседство с индейцами, близость трансцендентного зла в виде бушующей стихии, к которой впоследствии у него сформировался амбивалентное отношение.

Однако мечта о домовладении разрушилась: пиратская компания вовлекла Апчерча в пьяную сделку, в результате которой он пришел в себя в открытом океане на борту шхуны, купленной на все сбережения. Океан очаровал Апчерча и унес навстречу шторму. Неопытная самонадеянность «нового американского Адама», пытавшегося сконструировать экзистенциальный план и согласно ему выстроить свою жизнь, была изначально обречена. Апчерча захватила игра высших сил: он оказался на доске, где разыгрывают партию «два шахматиста с приветом <...> Вельзевул и Яхве» [Гарднер: 279]. Он стоически принял крах своей идеи о переселении в Иллинойс и отдался в руки божественных сил, манифестировавших себя через нуллификацию частных человеческих смыслов.

Из шторма Апчерча спас корабль-китобоец «Иерусалим», на котором командовал капитан Заупокой (*Dirge*), стремившийся достичь таинственных Невидимых островов. Обитатели «Иерусалима» собираются в архетипический образ не только всего человечества в целом, но и мультикультурного общества США в частности. Корабль – символ перехода: он не принадлежит ни земле, ни воде, а пребывание на нем рассматривается как пограничное состояние. Эта метафора получает физическое воплощение. Моряки «Иерусалима» действительно ни живы, ни мертвы: они застряли во временной петле на пути к Невидимым островам. Недовольство затянувшимся плаванием привело к мятежу под предводительством второго помощника капитана Вольфа и установлению диктаторского режима. Однако в результате сменился лишь капитан, но не цель плавания.

Пытаясь разгадать загадки китобойца и его обитателей, Апчерч обнаружил, что капитан – это механическая кукла, которой управлял его давний враг фокусник-мошенник доктор Флинт, скрывающийся под личиной Иеремии. Еще ребенком Апчерч столкнулся со злодеем на бостонском сеансе месмеризма. Флинт завладел разумом зрителей, но Апчерч, ощущая силу потустороннего магнетизма, смог разорвать всеобщее оцепенение криком, вызвавшим панику и смятение. Влияние злой, лживой, мошеннической воли оказалось решающим для Апчерча, хотя эпизод с Флинтом почти стерся из его памяти. Мысль о существовании глубоко про-

твоестественной сущности, которой нужно дать отпор, стала основой для его личностного роста. После месмерического опыта неприятие подконтрольности, которое Апчерч испытывал с детства, усилилось. Именно поэтому он противостоял идее пойти по стопам отца и стать моряком (т.е. отдаться океану, потерять контроль над своей жизнью).

Из конфликта невинности и опыта возникла модель индивидуации протагониста, отчасти схожая с моделью мелвилловского Ахава. Обоих героев оплавляет присутствие зла: оно проникает в сознание и определяет их дальнейший путь. В то же время разрушительной одержимости Ахава противопоставляется созидательная мораль Апчерча, который одержал победу над мошенником Флинтманом и спас всю команду.

В «Королевском гамбите» представлен конфликт эссенциальных сущностей свободы и рабства, которые являются ключевыми элементами в формировании «американской мечты». Еще в главе I постаревший Апчерч, рассказывая о своих приключениях, четко разделяет физическое и метафизическое рабство и отмечает, что он «плохо приспособлен к тому, чтобы <...> душу водили на помочах» [Гарднер: 280]. Дихотомический конфликт поддерживается суггестивным образным рядом на нескольких уровнях.

Физическое рабство представлено социальной антитезой – декларируемой свободой моряков китобойца и рабства чернокожих гребцов в трюмах корабля. Иллюстрируя известную максиму о том, что основа свободы ограниченного числа людей – это рабство остальных, Гарднер одновременно опровергает этот парадокс: истинная философская свобода (которая в рамках романа осмысливается как приверженность традиционным ценностям и слияние с бытием) оказывается недоступной команде китобойца из-за преграды греховных человеческих смыслов. Моряки очарованы и обмануты дьявольскими пророчествами капитана и его слепого советника Иеремии, заслоняющими божественное. Метафизическое рабство ощущается ими как фаталистическая предопределенность: по мнению Заупокоя, «вся наша свобода — не более, как смехотворная иллюзия» [Гарднер: 382].

Все ключевые персонажи «Королевского гамбита», как и Апчерч, захвачены «американской мечтой» о свободе и контроле над жизнью, о возможности творить судьбу и о реализации своего потенциала. Важным различием становится их отношение к религиозно-мистическому опыту и высшим силам.

Второй помощник капитана Вольф и матрос-механик Уилкинс отрицают существование трансцендентного. Вольф, чьи «движения <...> и голос производили впечатление механических» [Гарднер: 304], сам механистически редуцирует жизнь и склонен к биологизаторству и макиавеллизму. «Новый порядок» Вольфа, установленный после

мятежа, базируется на жесточайшей дисциплине, повиновении центральной власти и «отсутствии воображения», которое, по мнению Вольфа, может привести к вредным фантазиям и иллюзиям и которое играет важнейшую роль в обретении метафизической свободы в философско-эстетической парадигме Гарднера. «Катехизис воинствующего антигуманизма» [Гарднер: 496] Вольфа опирается на насилие и отрицает власть высших сил. Конструируя образ деспотичного, тоталитарного режима фашистского толка, пришедшего на смену парарелигиозным мистическим видениям капитана, Гарднер показывает, что персонажи несвободны как в физическом, так и в метафизическом плане.

К свободе не ведет и нигилистическое экзистенциалистское мировидение Уилкинса, помогавшего доктору Флинтману и создавшего марионетку-капитана, поддержавшего и предавшего мятежников, убив Вольфа. Для него не существует твердых принципов, он живет циничным отчаянием: «Уилкинс был <...> мыслящая тварь, одаренная сознанием собственных несовершенств, и сознание это так мучило его, как если бы у него был бог, с которым он мог бы стать затылок в затылок и помериться ростом» [Гарднер: 406] (здесь находит отражение гарднеровская полемика с философской мыслью атеистического экзистенциализма). Моральный релятивизм не спасает Уилкинса: внутри заданной мировоззренческой парадигмы невозможно совершить трансгрессирующий прорыв из фатального рабства воли. Это актуализируется эпизодом самоубийства матроса, которое парадоксальным образом наполняет экзистенцию единственно возможным для него смыслом.

В отличие от Вольфа и Уилкинса, доктор Флинтман и Апчерч признают существование трансцендентных сил, но выстраивают свой путь к ним по-разному. В данной оппозиции находит отражение дихотомия «ложного» и «истинного» художников, которые соответственно представлены как преступник и спаситель (образец для подражания).

«Профессор шарлатанства» Флинтман желает получить контроль над разумом окружающих с помощью мошеннических фокусов и трюков – плодов научных изысканий. Он симулирует мистический опыт и боговдохновенность. «Всю жизнь его манила святость, которая превыше магии» [Гарднер: 409], но в качестве способа приобщения к трансцендентному он выбрал рациональность и расчет. Доктор Флинтман стремится физически достичь таинственных Невидимых островов, рационализируя и тем самым уничтожая поэтическую метафору. «Расчлененное» рационализаторством мироздание «кроме головы да левой задней лапы» списывается «в промышленные отходы» [Гарднер: 328–329] и не может стать основой для построения плодотворного экзистенциального плана. Мечтая реализовать себя в качестве творца (что также является элементом «американской мечты»), Флинтман терпит

поражение, не осознавая, что источник истинного творчества кроется в слиянии с бытием.

Ни механистическое, ни экзистенциалистское, ни симуляционное мистическое наполнение экзистенции не приближает обитателей китобойца к свободе. Единственной надеждой моряков остается Апчерч – «образец для всех художников – интуиция на службе у Царя Разума – и вечный художник, Бог на земле» [Conversations: 93]. Это честнейший плут, сочиняющий истории, которым никто из моряков не верит, для торжества правды и моральных ценностей. Также характерной оказывается трикстеризация протагониста: он не только постоянно переконструирует собственную биографию, выдумывая новые факты, но и однажды вымазывается углем, чтобы сойти за негра. Так он соединяет в себе разнородные элементы мироздания и претендует на репрезентацию универсальности.

В отличие от доктора Флинта, Апчерч проживает религиозно-мистический опыт и становится истинным магом [Begiebing: 53]. В ходе метафизических поисков он выходит из сферы профанного в результате столкновения с сакральным «Ничто» («Нигде»), которое в повести отождествляется с водной стихией. В главе XI Апчерч, взобравшись на мачту, чувствует «мистическое влечение упасть, потребность нырнуть в безграничную свободу самоубийства» и уже представляет, как он «слился с мистической ширью океана». В этом проявляется изменившееся отношение Апчерча к стихии: осуществляется категорический переход от «абсолютного зла», которое он хотел подчинить и обуздать, к амбивалентному сакральному, соединяющему запретное и божественное. Мачта корабля выступает в роли Axis Mundi, вокруг которой выстраивается мироздание и реальность: она вводит Апчерча в область переживания священного пространства (или «иерофании» М. Элиаде). В результате «возникает не только разрыв однородности пространства, но обнаруживается некая Абсолютная Реальность, которая противопоставляется нереальности, всей огромной протяженности окружающего мира» [Элиаде: 22]. Когда проявляется реальность, в обычной жизни заслоненная субъективно-иллюзорным профанным, обнаруживается единая «точка отсчета». Для Апчерча это творческое осмысление окружающего мира в его целостности, слиться с которым ему позволяет интуиция художника.

Гипнотическое воздействие высоты и стихии разрушает матроса Билли Мур: он спасает Апчерча и наставляет его в опасные моменты обращаться к религиозной вере, вспоминая псалмы и библейские истории. Билли отсылает Апчерча к эксплицитному сакральному (готовой форме, кодифицированному святому), что подчеркивает отсутствие у матроса важной для художника творческой интуиции. Она описывается как «религиозное переживание, бегство от плоского интеллекта в мир действительности, на родину души» [Гарднер: 328],

рождающееся в непосредственном опыте общения с мирозданием и разрушающее рациональные причинно-следственные связи и однородность пространства. В отличие от Билли, Апчерч испытывает боговдохновенность, божественный акт прямого избрания и приобщается к имплицитному святому, которое в рамках «топологии сакрального» не зависит от человеческого установления.

Следующим религиозно-мистическим опытом Апчерча становится признание вины, вызванной гибелью чернокожего гребца (его убили, приняв за Апчерча), последовавшая за ним «метафизическая изоляция» [Howell: 115] и воссоединение с бытием при приеме галлюциногенных грибов, полученных им от христологического темнокожего гарпунщика Каскивы. С этого момента и до конца истории Апчерч начинает видеть манифестации высшей божественной силы в образе белых птиц. Грань между профанной реальностью и сакральным размывается, рушится ограда сознания, «возводимая <...> из понятий и теорий, пустой корабельный корпус, сколоченный из слов и ходячих мнений» [Гарднер: 329]. Апчерч становится истинным творцом: он играет «королевский гамбит, и отныне нет в мире ничего лишнего, ненужного, зряшного — все плодоносит» [Гарднер: 329], и тьма рассеивается.

Доверившись природному (естественному, божественному) началу, художник становится единственным, кто способен освободить моряков и окончить плавание. Под руководством Апчерча, напутствуемого Святым Духом в образе альбатроса, команда берет курс на Иллинойс, чтобы на свободе восстановить свою субъектность и обрести себя в созидательном труде. Перейдя от опыта нуминозной мистики (объектная роль) к опыту магии (субъектная роль), Апчерч сакрализирует и воплощает в жизнь собственную словесную прокламацию: «Не ведающие чина и закона, они [моряки] на борту изувеченного корабля учились теперь быть человеческим обществом. Больше никаких гениев, никаких царей» [Гарднер: 425].

На втором уровне наррации, представленном в главах I, V, VII, X, XV, XXII, XXVIII, постаревший Апчерч комментирует свою историю и вступает в диалог с гостем (критиком), а компанию им составляет ангел (муза морехода). В каждой главе этого уровня актуализируется мотив обмана, который теперь рассматривается как компонент художественного вымысла: гость временами выражает недоверие, когда история морехода становится совсем запутанной. В ответ Апчерч оправдывается тем, что «в этих дутых балладах больше смысла, чем вы [гость] уловили» [Гарднер: 297]. «Ловкий старый притворщик» и выдумщик Апчерч сообщает, что не хочет прослыть лжецом, когда речь заходит о высших силах, ведь по их воле он «застрял» между мирами. Трансцендентные силы наградили его талантом и творческой интуицией, в результате чего ему открылся мир мертвых и еще ожидающих

рождения духов. Апчерч так объясняет критику свое положение: «Они [мертвецы] существуют во мне, а не в «давнем прошлом», ибо прошлого нет, во всей этой вселенной нет ничего, лишь острие бритвы между памятью и воображением, мгновенное узнавание между мертвыми существами, навечно расчлененными...» [Гарднер: 298].

Реалистически мыслящий «человек действия» не способен справиться с фатализмом неизбежной смерти и забвения. Небытие можно победить только творчеством, которое наследует естественному миру природы, наполненной божественной любовью ко всему существу (глава XXII). Предназначение творчества определяет путь художника: он должен преодолеть болезненную раздробленность мира, атомарность общества и реинтегрировать жизнь воедино вымыслом, проникнутым общечеловеческими ценностями. Именно благодаря выражению добра, любви и красоты вымысел обретает истинную художественную ценность, противостоящую «псевдохудожественной мысли», выразителем которой в повести стал доктор Флинт. Повествование Апчерча морально, что обеспечивает ему эстетическую победу над мошенником и помогает гостю увидеть мир глазами повествователя и почувствовать единство сущего.

Повествователь снимает проблему «правдоподобности» и «реалистичности» в творчестве, поскольку «правда бывает разная» [Гарднер: 320]. Вся действительность дана человеку исключительно в восприятии, поэтому иногда «плоды фантазии, условные фигуры <...> куда реальнее» [Гарднер: 392], чем наблюдаемые явления физического мира. Реальность вымысла актуализируется, когда повествователь упоминает о живущем неподалеку смертельно больном Скульпторе, чье «восприятие действительности стремится к белизне» [Гарднер: 392]. Однако чем сильнее его захватывает недуг, тем упорнее он продолжает работать, поскольку творчество остается единственной доступной ему реальностью.

В главе XXVIII Гарднер под собственным именем вторгается в рассказ и тем самым создает третий уровень наррации «над» повествованием. На этом уровне он раскрывает механизм функционирования поэтической образности и собственные эстетические воззрения. Гарднер колеблется между желанием «художественной обнаженности» [Ekelund: 292], которая позволила бы рассказать, «какая жизнь на самом деле», и литературными конвенциями последней трети XX в., отмеченной торжеством постмодернизма и ироничной словесной игры. Он вынужден скрываться под множеством «личин» из «стыда» перед открытым выражением морального пафоса, признанного современным ему литературным сообществом неуместным [Ekelund: 294]. Гарднер подчеркивает серьезность своих слов, когда устанавливает бытийное равенство между собой и умирающим Скульптором, о котором упоминал Апчерч. Мо-

ральный пафос автора не шутка, как «и сама эта книга [«Королевский гамбит»], она тоже – не детская игрушка, хотя я [Гарднер] и пишу более обычного одолеваемый сомнениями» [Гарднер: 41]. После вынужденного объяснения Гарднер просит морехода продолжить, вновь скрываясь за его фигурой. Через четыре года после публикации «Королевского гамбита» идея «моральной литературы» получит воплощение в одноименном эстетико-философском эссе Гарднера, упомянутом ранее.

Вторжение Гарднера в повествование наделяет читателя субъектностью, поскольку именно благодаря читателю притча обретает значимость «в работе аллегорической интерпретации» [Зенкин: 198]. Воссоздавая в воображении события повести, он реинтегрирует ее универсум, который Гарднер приравнивает к системе мироздания. Так в акте сотворчества читатель восстанавливает и утверждает общечеловеческие ценности и, следовательно, собственную категориальную целостность.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Все уровни наррации в «Королевском гамбите» объединены фигурой повествователя – морехода-художника Джона Апчерча и идеей торжества морали и общечеловеческих ценностей. Все персонажи повести стремятся обрести метафизическую свободу, представляющую собой интегральный компонент «американской мечты», но это удастся только художнику. Апчерч символически отдает контроль над своей жизнью высшим силам и проходит религиозно-мистическую инициацию. «Доверие к себе» (т.е. заключенным в человеке божественным кодам) и творческой интуиции позволяют художнику реализовать свой экзистенциальный план, одержать победу над преступником доктором Флинтом и спасти остальных персонажей.

Повествователь, объединяющий в себе прошлое, настоящее и будущее, в своей наррации уравнивает реальное и воображаемое, утверждая ценности добра, любви и красоты. Он побеждает фатализм небытия, оплавляя реальность творчеством. Повествователь упорядочивает и реинтегрирует картину мироздания, иницирует у гостя чувство сопричастности истории и бытию в целом.

Джон Гарднер, появившись в повествовании под собственным именем, объясняет свои творческие сомнения, касающиеся литературного метода и эстетики, и таким образом символически освобождается от конвенций. Он вовлекает читателя в акт сотворчества, в результате актуализируется гарднеровская модель «моральной литературы».

Примечания

¹ Активная тенденция сводить «американскую мечту» к жажде прагматического социального и материального благополучия проявляется в значительной части знаковых литературных произведений XX в., исследующих данный метанарратив:

например, в «Великом Гэтсби» Ф.С. Фитцджеральда, в «Американской трагедии» Т. Драйзера и «Реквием по мечте» Х. Селби-мл.

² В рамках постмодернистской парадигмы воплощается беспрецедентно большое количество финалистских проектов: например, «конец социального» (Ж. Бодрийяр), «смерть автора» (Р. Барт), «смерть субъекта» (Ж.-Ф. Лиотар), «смерть человека» (М. Фуко), «конец истории» (Ф. Фукуяма).

³ К числу таких произведений, кроме повести «Королевский гамбит» и некоторых рассказов из одноименного сборника, можно отнести романы «Никелевая гора» (*Nickel Mountain*, 1973), «Диалоги о солнечном» (*The Sunlight Dialogues*, 1972) и «Осенний свет» (*October Light*, 1976).

⁴ Среди западных исследований стоит отметить работы Г.Л. Морриса, Д. Макуильямса, Дж.М. Хауэлла, и Б.Г. Экелунда. К отечественным литературоведам, рассматривавшим повесть «Королевский гамбит» в диссертационных исследованиях, относятся Н.А. Шогенцукова и Н.Н. Бoryshneva.

⁵ В данном случае «фронт» определяется как неосвоенная территория, нетронутая цивилизаторской деятельностью колонистов, где коренные народы живут в идиллическом, пасторальном мире с природой.

Список литературы

Бoryshneva Н.Н. Поэтика романов Джона Гарднера (роль средневекового компонента в становлении романного мышления): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004. 17 с.

Гарднер Дж. Никелевая гора. Королевский гамбит. Рассказы / пер. с англ. Е. Коротковой, И. Бернштейна, В. Муравьева, Р. Райт-Ковалёвой, послесл. Г. Злобина. М.: Прогресс, 1979. 504 с.

Зенкин С.Н. Явленное сакральное (numen) // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 197–222.

Коновалова Ж.Г. «Американская мечта» в художественно-документальной литературе США второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 213 с.

Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 114 с.

Beglebing R.J. Toward a New Synthesis: John Fowles, John Gardner, Norman Mailer. Ann Arbor, London: UMI Research Press, 1989. 152 p.

Ben-Tov S. The Artificial Paradise: Science Fiction and American Reality. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. 201 p.

Caldwell W.W. Cynicism and the Evolution of the American Dream. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2011. 192 p.

Clinton B. In Their Own Words; Transcript of Speech by Clinton Accepting Democratic Nomination // The New York Times. New York, NY, 1992. July, 17. URL: <https://www.nytimes.com/1992/07/17/news/their-own->

[words-transcript-speech-clinton-accepting-democratic-nomination.html](https://www.nytimes.com/1992/07/17/news/their-own-words-transcript-speech-clinton-accepting-democratic-nomination.html) (дата обращения: 01.02.2021).

Conversations with John Gardner / ed. by A. Chavkin. Jackson, London: University Press of Mississippi, 1990. 310 p.

Cullen J. The American Dream: A Short History of an Idea That Shaped a Nation. Oxford: Oxford University Press, 2003. 214 p.

Delbanco A. The Real American Dream: A Meditation on Hope. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. 143 p.

Ekelund B.G. In the Pathless Forest: John Gardner's Literary Project: PhD dis. Uppsala, 1995. 377 p.

Gardner J. On Moral Fiction. New York, NY: Basic Books, 1978. 214 p.

Howell J.M. Understanding John Gardner. Columbia: University of South Carolina Press, 1993. 172 p.

Morris G.L. A World of Order and Light: A Critical Introduction to the Fiction of John Gardner: PhD dis. Lincoln, 1981. 267 p.

Morris G.L. John Gardner's "The King's Indian" and the Romantic Tradition // The New Romanticism: A Collection of Critical Essays. Abingdon: Routledge, 2000. P. 105–112.

References

Boryshneva N.N. *Pojetika romanov Dzhona Gardnera (rol' srednevekovogo komponenta v stanovlenii romannogo myshleniya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of John Gardner's novels (the role of the medieval component in the formation of novel thinking): PhD thesis, summary]. Nizhny Novgorod, 2004. 17 p. (In Russ.)

Gardner J. *Nikelevaja gora. Korolevskij gambit. Rasskazy* [Nickel mountain. The King's Indian. Short stories], transl. by E. Korotkova, I. Bernshtejn, V. Murav'ev, R. Rajt-Kovaljova, afterword by G. Zlobin. Moscow, Progress Publ., 1979. 504 p. (In Russ.)

Zenkin S.N. *Javlennoe sakral'noe (numen)* [The revealed sacred (numen)]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2011. Vol. 10. № 1–2. Pp. 197–222. (In Russ.)

Konovalova Zh.G. "Amerikanskaja mehta" v *hudozhestvenno-dokumental'noj literature SShA vtoroj poloviny XX veka: dis. ... kand. nauk* ["American Dream" in American nonfiction of the second half of the XX century: PhD thesis]. Kazan, 2009. 213 p. (In Russ.)

Eliade M. *Svjashhennoe i mirskoe* [The sacred and the profane], transl., introduction and afterword by N.K. Garbovskej. Moscow, Moscow State University Publ., 1994. 114 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.02.2021; одобрена после рецензирования 09.02.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 03.02.2021; approved after reviewing 09.02.2021; accepted for publication 12.02.2021.